

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

*Простота не есть цель в искусстве,
но к простоте приходишь*

*помимо своей воли,
по мере того, как приближаешься
к реальному смыслу вещей.*

Константин Бранкузи

Мы встречаемся со Львом Дмитриевичем в его мастерской на Масловке. В календарь никто из нас не посмотрел. И только когда мастер подписывал мне свой каталог, выяснилось, что на дворе-то, оказывается, 22 июня... Разумеется, я не могла не спросить, какие воспоминания сохранились у скульптора о том самом дне: «Я должен был пойти на свою первую тренировку по теннису на стадион «Динамо» в 12 часов. Моя старшая сестра вся в слезах пришла домой с Дорогомиловского рынка и сказала: «Война». Какая уж тут тренировка... Никаким знаменитым теннисистом я не стал. Мне тогда было неполных 12 лет».

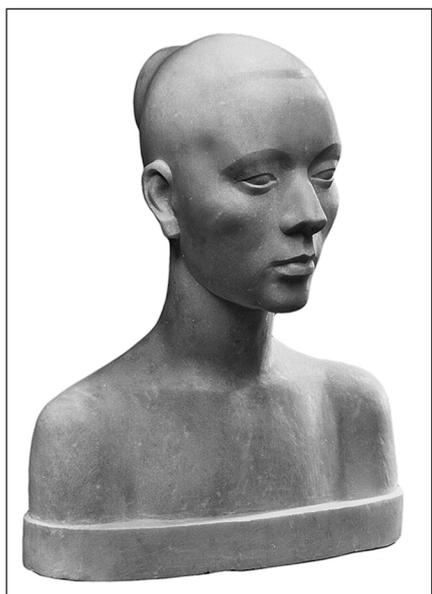
После этого была вынужденная эвакуация из Москвы в Ярославскую область, затем не менее болезненное возвращение домой... Но именно там, в эвакуации, маленький Лева, сидя на уроках геометрии и вооружившись циркулем и карандашами, проводил свои первые художественные опыты. Не зря потом он стал преподавателем рисунка в Строгановке и несет это знамя вот уже почти шестьдесят лет.

Но вернемся в послевоенное время. Слово мастеру: «Я закончил ремесленное училище и получил образование электроосветителя, полтора года работал на Мосфильме. А когда захотел стать художником, надо было как-то уволиться с киностудии. Это было невозможно: я был обязан отработать 4 года на производстве. Долго думали, какой может быть выход. Параллельно я

заканчивал вечернюю школу, а ночью работал на съемках. Когда мне наконец подписали заявление об освобождении от работы в пользу учебы, в Строгановку я уже опоздал. А в Ленинградское высшее художественно-промышленное училище имени барона Штиглица вступительные экзамены были на месяц позже. Туда и поступил на скульптурное

ЛЕВ МИХАЙЛОВ. МЕРА ВСЕХ ВЕЩЕЙ

отделение. Я, конечно, мог перевестись, но в Москве жилищные условия не позволяли, а в Ленинграде я жил в общежитии. Учился 8 лет».

И получил диплом с отличием. Лев Дмитриевич, кстати, довольно ревностно относится к названию этого учебного заведения, настаивая на том, что имя именно барона Штиглица должно фигурировать в «вывеске» (при всем уважении к Вере Игнатьевне Мухиной, именем которой называлось это училище с 1953 по 1994 годы): «Барон построил институт, музей декоративного искусства. В запасниках у него были все более-менее известные отливки подлинных античных скульптур. Я их в руках держал. Тончайшие отливки на марле и на деревянных конструкциях, никакого железа. Можно одной рукой поднять».

И опять возвращение в Москву («Лучший город в мире», – не без тени гордости говорит скульптор) – и поступление в аспирантуру Строгановки. По ее окончании Лев Дмитриевич остается там преподавать рисунок, хотя за три года обучения в аспирантуре под руководством Екатерины Федоровны Белашовой диссертацию не написал: «Я вообще люблю писать, у меня есть какие-то труды. Коллега с кафедры говорит мне: «Лев Дмитриевич, вы так ловко все пишете, почему вы диссертацию не написали?» А я отвечаю: «А зачем? Я и без диссертации хорошо живу».

Шестьдесят лет преподавательской деятельности – страшно представить. Это же сколько поколений учеников воспитал Лев Дмитриевич? Преподавание – это в первую очередь жертва. С собой, силами, временем. И всегда – энтузиазм. В 1930-е годы, например, многие большие мастера по разным причинам отказывались от преподавательской деятельности. А вот Александр Терентьевич Матвеев наоборот – самоотверженно ездил на поезде из Петербурга в Москву обучать студентов. Преподавание все же дело на любителя. Вот Лев Дмитриевич как раз из таких. Причем любитель очень терпеливый: «В объединенной группе 40 человек – на двоих с коллегой. Пока всех обойдешь, к каждому подойдешь...». Плюс ко всему, нельзя забывать о таланте настоящего

Лев Дмитриевич Михайлов
в мастерской на Масловке.
Фото.

Анжела.
Мрамор. 1984.

Лежащая.
Мрамор. 1990.

педагога – порой это даже важнее всего остального.

Полки в мастерской Михайлова заставлены скульптурой, графикой, акварелью, каталогами и книгами по искусству. Вообще, Лев Дмитриевич как-то лихо балансирует между объемом скульптуры и плоскостью рисунка. Когда есть живые цветы, то акварель – за пару дней готова. Потом идет формовать, восковать. В скульптуре ведь много технического, много физических затрат, в ней пахать надо. То форму снять, то еще что-то. Немаловажно, что Лев Дмитриевич – последний оставшийся из старшего поколения скульптор, к работам которого не притрагивается чужая рука – ни к формовке, ни к восковке, ни к обработке.

Вот и во время нашего визита на Масловку между Львом Михайловым и Дмитрием Тугариновым случился такой диалог. Обсуждая техническую сторону мук творческих, Дмитрий Никитович говорит: «В пчелиный воск хорошо добавлять битум и канифоль, он тогда черный получается, хорошо лепится и не садится». Лев Дмитриевич помолчал-помолчал и сказал: «Это все детали. Главное, чтобы была форма».

Не зря Михайлова все в один голос называют последним настоящим матвеевцем. Форма – то, за что ратует мастер. И не важно, добавил ли он битум в воск и в каком материале работает: «Работая в мягком материале, мастер стремится создать большую форму путем наложения небольших кусков. Твердый материал требует другого пути – убирая куски, освободить и не разрушить большую форму». При этом важны какие-то хитрости, ходы и пластические решения. Вот, например, Лев Дмитриевич придумал посадить натурщицу нога на ногу на высокий стул – и плит не нужен. Его поиски цельности формы в свое время оценил сам А.Кибальников, отметив – цитата – «чувство высокой пластики» работ Михайлова и приняв их на большую групповую выставку в Манеже в конце 1960-х годов.

Вообще, на скульптуру нужно смотреть долго. Вот она стоит, ты на нее смотришь, и она начинает работать. А когда пробегаешь мимо, ничего не будет работать. Смотришь-смотришь на работы Льва Дмитриевича и понимаешь, что его приоритет – работа с натурой. И с природы.

Взять, например, «Портрет скульп-

Силуэты.
Бронза, камень. 1987.

Птицы.
Бронза, камень. 1980.

тора», с которым связана одна забавная история: «Это портрет скульптора Ефимова-Трофимова. Мы с ним дружили. Поскольку он плохо ходил, мне приходилось ехать за ним на такси в Фили, брать его, везти к себе в мастерскую в Оружейный переулок, лепить его, потом везти назад на такси. Быстро его вылепил. А он дома у себя лепил автопортрет. И потом на одной выставке оказалось, что и он

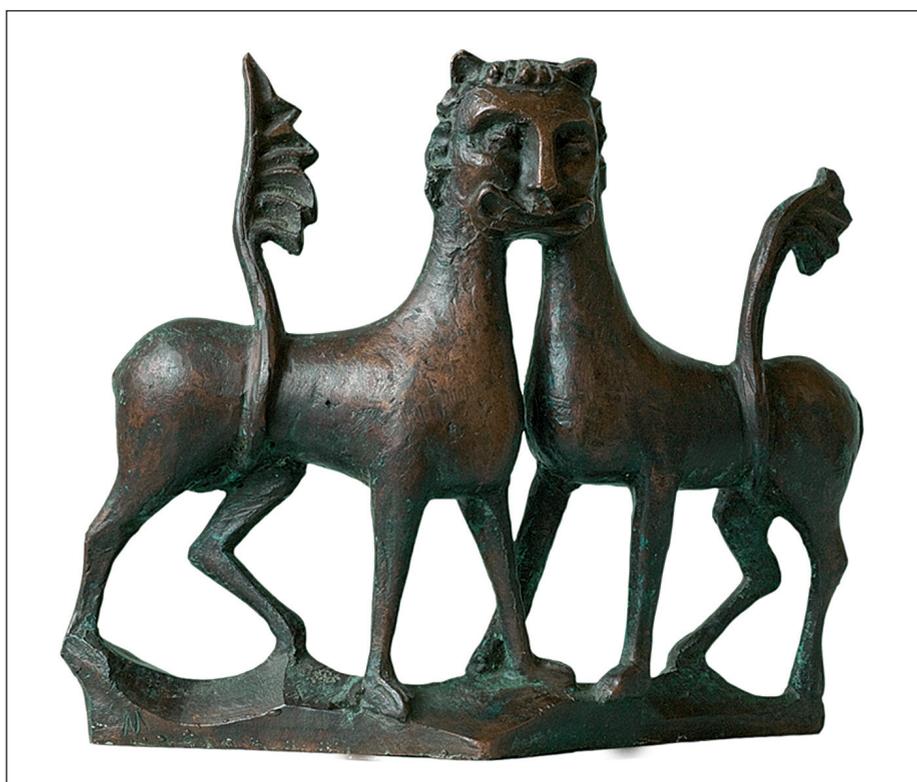
выставил свой портрет, и я выставил его портрет. И он меня там встречает и говорит: «Ну что, Лева, а мой портрет лучше». А я ему отвечаю: «А мне уже Думанян сказал, что мой лучше» (Думанян Виктор Хачатурович (1926–2004) – советский и российский скульптор, Заслуженный художник РФ, член-корреспондент Российской академии художеств, председатель МОСХ России с 1997 по 2000 год).

Лев Дмитриевич – бездонный кладезь информации. За те несколько часов, что мы были у него в гостях, мне удалось услышать истории обо всем – начиная с многолетней дружбы и совместной работы со скульпторами Саулом Рабиновичем и Абрамом Малахиным и заканчивая встречами с великими мира сего.

Вот, например, история создания грандиозного памятника Борцам за власть Советов для Владивостока. Он включает в себя одну фигуру со знаменем и две группы по четыре фигуры 4,5 метра. Я была в этом городе шесть лет назад, когда там проходил Азиатско-тихоокеанский экономический саммит. Памятник действительно производит колоссальное впечатление: являясь доминантой, он визуально держит площадь, создавая ансамбль скульптуры и архитектуры. Его авторами являются скульптор А.И.Тенета и архитекторы А.Усачев и Ю.Траутман.

Но лепили его в Москве. Лев Михайлов, будучи молодым 26-летним скульптором, был приглашен к участию в работе. Ему «досталась» одна из групп – то есть четыре фигуры. «Сложная была история с географией», – дипломатично описал Лев Дмитриевич тяготы той работы. Например, то, что на все про все был выделен год. «Мы лепили в церкви на Белорусском вокзале в главном храме, там еще другие лепили, что-то еще делали. В один прекрасный день приехала комиссия, в составе которой были члены Центрального Комитета партии, а Алексей Ильич Тенета в это время ушел обедать. Мне пришлось общаться с ними без него...». Выбора не было: нужно было успеть сдать памятник к важной дате. В итоге он состоялся. И по сей день «работает» в пространстве.

Или же другая история – неожиданная встреча Льва

Обнаженная.
Бронза. 2010.

Сидящая.
Бронза. 1989.

▷ Байкальская весна.
Дерево. 1965.

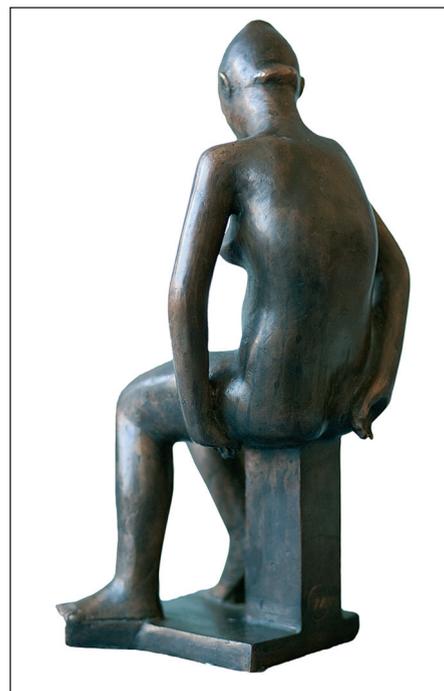
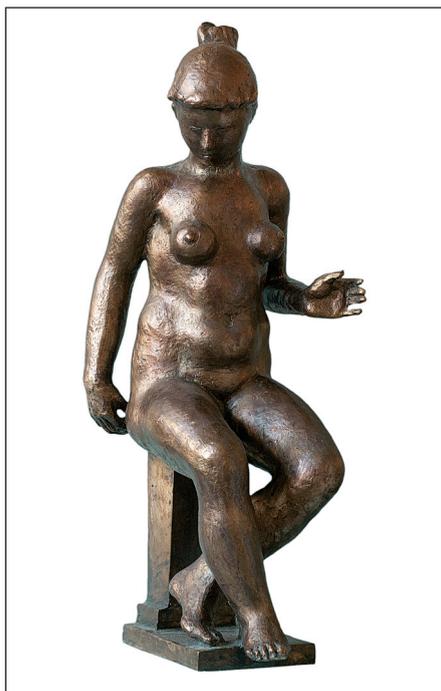
▷ Звери Владимира.
Бронза. 1991.

▷ Ожидание.
Бронза. 1985.

Дуэт.
Рисунок.

Сидящая обнаженная.
Бронза, камень. 1987.

Михайлова с Никитой Хрущевым в парке Сокольники: «1959 год. Лето. Была грандиозная американская промышленная выставка, а один павильон был посвящен изобразительному искусству. Выставка уже закрывалась в последние дни сентября, но была еще приличная погода, тепло, солнце. В последний день ее работы я поехал туда – все-таки американское искусство. В метро толпы народу – выставка пользовалась популярностью, поскольку там бесплатно раздавали целлофановые пакеты и жвачку. Промышленность меня мало интересовала, и я пошел в отдел искусства. Нашел, где выставлена скульптура – на улице на свежем воздухе, никто ее не охранял. Меня интересовали работы Липшица. Потом пошел в павильон с живописью. Захожу, поднимаюсь на второй этаж. В открытое окно слышу какой-то крик и шум. Выглядываю и вижу лысину Хрущева и черную шевелюру Микояна. Оба в светлых пиджаках. И народ кругом. В этот зал вход был только по одной лестнице: вбегают двое сотрудников КГБ и, скажем так, настоятельно рекомендуют

мне раствориться. Но уже некуда растворяться – Хрущев идет. Деваться было некуда, да и я не собирался уходить. Идут Хрущев, Микоян, американец, комиссар выставки и переводчик Николай Прожогин – мой знакомый, который умудрился еще со мной поздороваться. Все собираюсь об этом случае статью написать – со всеми подробностями и репликами Хрущева».

Лев Дмитриевич – тот редкий представитель профессии, который искренне и бескомпромиссно верит в искусство. Большая честь и удача для многих поколений выпускников и студентов Строгановки учиться у такого мастера.

София ТУГАРИНОВА

